АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАРОДЫ АЗИИ и АФРИКИ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

1

МОСКВА 1969

ТАБГАЧСКИЙ ЯЗЫК — ДИАЛЕКТ СЯНЬБИЙСКОГО

Л. ЛИГЕТИ

Согласно исторической традиции, появление племени сяньбэй, или сяньби, относится к III в. до н. э. В те времена *шаньюй* сюнну Мао-дунь разгромил дунху, бывших его восточными соседями. В результате разгрома этого племенного союза кочевников и появились сяньбийцы и ухуани. Будучи кочевниками, как и дунху, ухуани не переставали тревожить сюнну своими набегами, но в период Сань-го они сами исчезли под ударами Цао Цао.

Более чем три века сяньбийцы находились в окружении ухуаней, и только в середине II в. н. э. их вождю Тань-ши-хуаю удалось восстановить некогда существовавшую кочевую державу [1]. Однако держава сяньби оказалась эфемерной; сяньбийские племена удалились в свой родовой очаг — на Ляодун, к северу от Кореи.

Племена сяньби, разместившиеся на границе китайского мира, постепенно стали играть все более и более значительную роль в истории Китая. Некоторые из них создали свои государства в Северном Китае и управляли китайским населением. Среди наиболее успешно действовавших можно упомянуть племена муюн, юйвэнь, цифу и тоба. Племя муюн основало в Китае династии Янь (за исключением Северной Янь [2]), племя юйвэнь после падения Вэй создало династию Северная Чжоу [3], цифу были основателями династии Западная Цзинь [4] и, наконец, племя тоба положило начало династии Вэй [5], которая правила Северным Китаем на протяжении ста пятидесяти лет.

Самое крупное из сяньбийских племен называлось 托跋 *тоба*, архаическая китайская форма которого *t'âk-b'uât* отражает местную форму **taγbat*; последней соответствует *табгач* (*tabγač* или *tawγač*) — вариант названия, употреблявшегося тюрками и служивший для обозначения Китая даже после исчезновения табгачей.

Племя тоба, или табгач, основало династию Вэй (или Северная Вэй), правление которой длилось с 386 по 538 г. Династия Западная Вэй (538—556), сменившая Юань-Вэй, считалась ее законной наследницей, тогда как правители династии Восточная Вэй (529—549) считались узурпаторами. В свою очередь на смену Восточной Вэй пришла

---

[1] См. *Н. Я. Бичурин* (*Иакинф*), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1, М.—Л., 1950, стр. 149—159; *G. Schreiber*, Das Volk der Hsien-pi zur Han-Zeit, — «Monumenta Serica», t. XII, 1946, S. 145—203.

[2] См. *Н. Я. Бичурин*, Указ. соч., т. 1, стр. 159—167; *G. Schreiber*, The History of the Former Yen-Dynasty, — «Monumenta Serica», t. XIV (1949—1955), p. 374—480.

[3] См. *O. Franke*, Geschichte des chinesischen Reiches, Bd. II, Berlin—Leipzig, 1936, S. 179—180.

[4] См. там же, стр. 111 и сл.

[5] См. *Н. Я. Бичурин*, Указ. соч., т. 1, стр. 167—168; *W. Eberhart*, Das Toba-Reich Nordchinas. Eine soziologische Untersuchung, Leiden, 1949.

сяньбийская династия Северная Ци (550—567). Династия Западная Вэй была уничтожена династией Северная Чжоу (556—586), также созданной сяньбийцами [6].

Что касается происхождения тоба, основавшего династию Вэй, то в китайских источниках по этому поводу содержатся противоречивые сведения. Согласно «Нань Ци шу» (LVII, 1а), они были ветвью сюнну, но в «Вэй шу» (предисловие, 1а) и в «Бэй ши» (I, 1а) их считают потомками сяньби [7]. Это различие мнений, если не принимать во внимание манеру изложения в источниках, объясняется антропологическими, а главным образом политическими причинами: тобаские правители Вэй находились в тесном контакте с сюнну до того момента, как присвоили себе титул императора.

Между тем с лингвистической точки зрения нет никакого сомнения в том, что тобаские правители Вэй, или табгачи, говорили на языке сяньби или по крайней мере на диалекте сяньби. В китайских источниках имеется достаточно сведений об этом. Например, в трактате о семейных устоях, принадлежащем кисти Янь Чжи-туя, рассказывается, что один китайский сановник велел обучить своего семнадцатилетнего сына языку сяньби и игре на лютне (этот инструмент пользовался широкой популярностью среди сяньбийцев), чтобы облегчить ему получение высокого поста в государстве, созданном племенем тоба [8]. В этом рассказе нет никакого преувеличения. В табгачской державе, равно как и в мелких сяньбийских государствах, пришедших ей на смену, говорили на языке сяньби и даже больше того — писали на нем книги.

В библиографическом разделе «Суй шу» (цз. 32) сохранился следующий список книг на языке сяньби (в скобках указывается пагинация этого цзюаня «Суй шу»):

1. «國語», 十五卷 *Гоюй, шиу цзюань* 'Родной язык', 15 цз. (23а);
2. «國語», 十卷 *Гоюй, ши цзюань* 'Родной язык', 10 цз. (23а);
3. «鮮卑語», 五卷 *Сяньби юй, у цзюань* 'Язык сяньби', 5 цз. (23а);
4. «國語物名», 四卷 *Гоюй умин, сы цзюань* 'Названия предметов на родном языке', 4 цз. Сост. Кэ Си-лин, носивший титул Хоуфу-хоу и живший при Поздней Вэй (23а);
5. «國語眞歌», 十卷 *Гоюй чжэньгэ, ши цзюань* 'Настоящие песни на родном языке', 10 цз. (23а);
6. «國語雜物名», 三卷 *Гоюй цзау мин, сань цзюань* 'Словарь различных наименований на родном языке', 3 цз. Сост. Кэ Си-лин, носивший титул Хоуфу-хоу (23а);
7. «國語十八傳», 一卷 *Гоюй шиба чжуань, и цзюань* 'Восемнадцать жизнеописаний на родном языке', 1 цз. (23а);
8. «國語御歌», 十一卷 *Гоюй юйгэ, шии цзюань* 'Придворные песни на родном языке', 11 цз. (23а);
9. «鮮卑語», 十卷 *Сяньби юй, ши цзюань* 'Язык сяньби', 10 цз. (23а);
10. «國語號令», 四卷 *Гоюй хаолин, сы цзюань* 'Приказы на родном языке', 4 цз. (23а);
11. «國語雜文», 十五卷 *Гоюй цзавэнь, шиу цзюань* 'Смешанные рассказы на родном языке', 15 цз. (23а);
12. «鮮卑號令», 一卷 *Сяньби хаолин, и цзюань* 'Приказы сяньби', 1 цз. Сост. чжоуский император У-ди (23а).

Кроме этих работ, о которых уже были упоминания в литературе [9], можно указать еще:

[6] См. *O. Franke*, Указ. соч., т. III, стр. 171.

[7] См. *K. Shiratori*, The Queue among the Peoples of North Asia, — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», 1929, № 4, p. 13; *O. Franke*, Указ. соч., т. III, стр. 171.

[8] См. *G. Schreiber*, Указ. соч., стр. 388.

[9] См. *K. Shiratori*, Указ. соч., стр. 15—16; *G. Schreiber*, Указ. соч., стр. 387.

13. «國語孝經», 一卷 *Гоюй сяоцзин, и цзюань* 'Канон сыновей почтительности на родном языке', 1 цз. (25б).

Из опубликованного списка видно, что перечень книг дан в нем без соблюдения какого-либо порядка. К. Сиратори и Г. Шрейбер на основании заглавий установили, что названия «родной (или династический) язык» и «язык сяньби», вероятно, были тождественны. Единственное различие между этими двумя терминами состоит в том, что первый обозначал сяньбийский язык во времена (Поздней или Северной) Вэй, а второй — этот же язык в следующих за Вэй государствах, например, в период Северной Чжоу. Эта гипотеза подтверждается тем фактом, что книги № 4 и 6, написанные на «родном языке», приписываются автору, жившему при Поздней Вэй, книга же № 12, составленная на «языке сяньби», принадлежит чжоускому императору У-ди (561—578). Впрочем, вопрос этот решается только сопоставлением названий, так как, к несчастью, ни одна из 13 работ, составляющих в общей сложности 90 цзюань, до нас не дошла Поэтому трудно судить, что могли содержать эти исчезнувшие работы.

Тем не менее остается достоверным, что половина из упомянутого списка — шесть работ посвящены были языку табгач или сяньби. Две книги (№ 4 и 6) содержали китайско-табгачские словари, составленные несомненно для китайцев, желавших получить сведения о языке правящей династии.

Известно, что уже издавна китайцы проявляли особый интерес к языкам соседних народов. Весьма вероятно, что у них имелись и двуязычные словари языка сюнну, бесследно утерянные впоследствии [10]. Наиболее древними китайско-иностранными словарями, доподлинно нам известными, являются китайско-санскритские словари периода Тан — «Фаньюй цза мин» и «Фаньюй цзяньцзы вэнь» [11]. По всей вероятности, и китайско-табгачские словари принадлежали к категории подобных словарей.

Более затруднительно сказать что-либо относительно других китайских книг, посвященных языку табгач (№ 1 и 2) и сяньби (№ 3, 9). Возможно, что это были также двуязычные словари, которые содержали обыденные выражения, как в известных китайско-тибетских словарях, обнаруженных в Дуньхуане [12]. Можно ли считать, что тогда уже имелись двуязычные учебники, вроде китайско-маньчжурского (и китайско-монгольского) «Tangγu meyen»? [13]. В настоящее время в нашем распоряжении нет свидетельств того, что составлялись такие книги с целью обучить молодежь правящего рода родному языку.

Не менее сложно определить содержание книг № 7 и 11. Действительно, невозможно решить, содержатся ли в них переводы с китайского или оригинальные произведения. Неизвестно, приводили ли авторы этих книг тексты только на языке табгач или же добавляли еще и китайские версии. И, наконец, неясно, были ли эти две книги составлены для китайского читателя или для тех, кто владел языком табгач.

При рассмотрении названий книг № 5 и 8 возникают другие, не менее интересные проблемы. Несомненно, эти книги содержали собрание песен на языке табгач, но определить их жанр невозможно. Быть может, первый сборник содержал песни официальные, исполнявшиеся при некоторых церемониях. Второй сборник включал песни 眞歌 *чжэньгэ* 'настоящие, творческие песни'; название его позволяет предполагать нечто иное, если только выражение *чжэньгэ* не было употреблено в значении 正歌 *чжэнгэ*

[10] См. *P. Pelliot*, Le Ḫōja et le Sayyid Ḥusain de l'Histoire des Ming, — «T'oung Pao», t. XXXVIII, 1948, p. 272—273.

[11] См. *P. C. Bagchi*, Deux lexiques sanskrit-chinois. Fan yu tsa ming de Li-yen et Fan yu ts'ien tseu wen de Yi-tsing, I, Paris, 1929.

[12] См. *F. W. Thomas, L. Giles*, A Tibetan-Chinese Word and Phrase Book, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. XII, 1948, p. 753—769; *L. Ligeti*, Notes sur le lexique sino-tibétain de Touen-houang en écriture tibétaine, — «Acta Orientalia Hungarica (далее — AOH)», vol. XXI, 1967.

[13] См. *M. F. A. Fraser*, Tanggu meyen and Other Manchu Reading Lessons, London, 1924.

'песни уставные' [14]. Во всяком случае, оба сборника особенно ценны, ибо известно, какую большую роль играли музыка и песни в жизни табгачей.

Кстати, можно здесь упомянуть историю знаменитых песен «тёлё». В 546 г. войска Гао-хуана, основателя династии Северная Ци, осадили крепость Юби, принадлежавшую династии Восточная Вэй. За 60 дней осады Гао-хуан потерял почти треть своего войска, так и не взяв крепости. С горя он заболел и, чтобы не предаваться печали, приказал Ху-лю Циню (по прозвищу Мин-юэ) спеть ему песни *чи-лэ* 'тёлё', переложенные с сяньбийского языка на китайский:

На равнине Чилэ
Под горою Иньшань
Небо, как шатер кочевника,
Покрывает степь со всех сторон.
Небо юное, как трава,
Степь виднеется безграничная,
Ветер дует и легко колышет траву.
Я пасу быков, я смотрю за овцами [15].

На основании этого свидетельства можно допустить, что народные песни сяньби довольно часто переводились на китайский.

В названиях книг № 10 и 12 некоторые исследователи видят отражение жанра китайской литературы — 詔令 *чжао-лин* 'эдикты и распоряжения' [16]. На наш взгляд, это было совсем нечто другое. Согласно сведениям из «Суй шу» (цз. 32, л. 34б), когда династия Поздняя Вэй заняла Северный Китай, новые правители продолжали выпускать военные приказы на своем языке (табгачском или сяньбийском). Позднее эти эдикты на сяньбийском языке стали непонятны и их потребовалось переводить на китайский.

Вполне вероятно, что книги № 10 и 12 включали и тексты эдиктов на языке сяньби, и их китайские переводы. В № 12 содержится подобный же материал: «雜號令»—卷 *Цза хаолин, цзюань* 'Разные приказы', 1 цз. (см. «Суй шу», цз. 33, л. 33а), хотя Г. Шрейбер и К. Сиратори сомневаются, что это было собрание приказов на языке сяньби. Зато «後周太祖號令», 三卷 *Хоу-Чжоу Тай-цзу хаолин, санцзюань* 'Приказы Тай-цзу Поздней Чжоу', 3 цз. (см. «Суй шу», цз. 33, л. 10а) содержат, весьма возможно, только китайский текст приказов.

Любопытно, что сочинение, упомянутое под № 13, представляет собой перевод с китайского, который был сделан, конечно, ради табгачской молодежи (из правящего класса). Это доказывает, по крайней мере для данной эпохи, стремление направить молодежь на изучение родного языка. Не менее интересен также тот факт, что это был практический учебник конфуцианской морали. Между тем известно, что табгачские правители вначале объявляли себя рьяными сторонниками даосизма, затем ревностными распространителями буддизма. Однако до сих пор пока не обнаружено, чтобы даосизм или буддизм оставили какой-либо след в литературе на языке табгач.

В связи с книгами на языке табгач возникает и вопрос о письменности. Тринадцать упомянутых сочинений содержат значительное количество табгачских текстов, если даже не считать других утерянных текстов, названия которых не сохранились.

[14] См. 諸橋轍次等, 大漢和辭典 (*Морохаси Тэцудзи*, Большой китайско-японский словарь), Токио, 1959, т. 8, № 23235; 1957, т. 6, № 16255_{35}.

[15] «北齊書» («Бэй цзи шу»), цз. 2, л. 14б; см. *O. Franke*, Указ. соч., т. II, стр. 225; *F. Tõkei*, Poésie chinoise et poésie des peuples du Nord, — AOH, vol. VIII, 1958, p. 313—319; *G. Schreiber*, Указ. соч., стр. 338—339. (Ср. русский стихотворный перевод в кн.: «Антология китайской поэзии», т. 1, М., 1957, стр. 363. — *Прим. ред.*)

[16] См. *L. Wieger*, La Chine à travers les âges, Hienhien, 1924, p. 168.

Была ли у табгачей своя письменность, нам неизвестно. До нас не дошло ни одного памятника на табгачском языке [17].

В принципе возможны два предположения. Первое: табгачи могли заимствовать уже существовавшую письменность (буквенную или слоговую). Ведь в ту эпоху в Центральной Азии (кит. Сиюй) употреблялись, кроме китайской, и другие системы письма. Например, в «Суй шу» (цз. 32, л. 34б) имеется сообщение о письменности ху, состоящей из 14 знаков, и т. д. Второе: в крайнем случае для записей табгачского языка могли использоваться китайские иероглифы. Китайская письменность не очень удобна в этом отношении, так как с помощью ее нельзя передать ряд фонетических особенностей других языков. Правда, не следует забывать, что уже в ту эпоху Шэнь Юэ (ум. в 513 г.) благодаря знакомству с индийской фонетикой ввел определенную унификацию в китайскую транскрипцию. Конечно, при транскрибировании иностранного языка можно было бы обойтись одной китайской письменностью без обращения к какой-либо иной системе, а можно было бы создать систему транскрипции наподобие корейской *иду*, которая представляет собой малоудобную и полную противоречий систему.

Насколько проблематичны все эти рассуждения о письменности табгач, настолько же проблематичны сяньби и его диалект табгач, о которых мы можем судить лишь по небольшому числу собственных имен, названий должностей и отдельных слов в китайской передаче. Материалов так мало, что описать этот язык и определить его место в системе других близких языков невозможно.

Тем не менее многие ученые пытаются интерпретировать язык сяньби (и табгач) [18], но не имеют единого мнения по этому поводу. Старая версия о принадлежности языка сяньби к тунгусским оставлена; но, как ни странно, она остается в силе, когда речь идет о взаимоотношениях сяньбийского с табгачским. Также сохраняется мнение о том, что оба языка относятся то к тюркским, то к монгольским языкам, когда хотят определить принадлежность языка сяньби или табгач к какой-либо группе ныне известных языков.

Чтобы установить более или менее прочную базу для будущих изысканий, мне кажется, будет полезным восстановить ряд табгачских терминов, сохранившихся в китайской транскрипции, а именно — таких терминов, которые переведены на китайский и которые можно удовлетворительно интерпретировать в плане исторической фонетики и сопоставить с тюркскими и монгольским языками. Эти термины следующие:

1. 乞萬眞 *k'i-wan-tchen*, др.-кит. *k'i̯ĕt-mi̯wən-t'i̯ĕn* читается *kelmärčin* 'переводчик' (NTC, 58, 3b) [19]. Придерживаясь правила *хэкоу* («закрытого рта») в слове *wan*, мне кажется, более правильной реконструкция *mär*, чем форма *mär* [*-mer*], до сих пор предлагавшаяся. До танского периода конечное *-n* для передачи иностранного *r* было обычно, но *k'i̯ĕt* для передачи иностранного *kel* (или *kil*) — не менее регулярно. Переход конечного $-t > \delta > r\,(l)$ не прослеживается ранее VIII в. (Maspero, 41—44, 109).

[17] В 1927 г. я видел у П. Пеллио, в его доме на улице Варенн, эстампаж размером 60×50 *см*, который тот получил от одного из китайских друзей. По его мнению, это был образец табгачского письма. В то время я не стал более подробно расспрашивать об этом эстампаже, так как надеялся вскоре услышать сообщение о нем, которое П. Пеллио собирался сделать в Азиатском обществе. Но насколько мне известно, такое сообщение не состоялось, а П. Пеллио ни разу не упомянул об этом драгоценном документе в своих работах.

[18] См., напр., *Shiratori Kurakichi*, Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghus-Stämme, Tokyo, 1900; то же см.: «Известия Академии наук», сер. V, т. XVII, 1902, № 2, стр. 010—018; *P. A. Boodberg*, The Language of the T'o-pa Wei, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 1, 1936, p. 167—185; *L. Bazin*, Recherches sur les parlers t'o-pa, — «T'oung Pao», t. XXXIV, 1954, p. 228—329.

[19] Ср. Shiratori , 32—33: *kelemürči* или *kelemeči* 'Dolmetscher'; Pelliot, 255: *kelmärčin* или *kälmärčin* 'interprète'; Boodberg, 170: *kälmärčin* 'interpreter'; Bazin, 302, № 126: *kälmärči* 'messager'.

Рассматриваемое слово не является единичным примером, который следует считать транскрипцией, характерной для «Нань Ци шу» и отражающей южное произношение диалекта У [20]. Монгольская этимология этого слова безупречна: монг. лит. *kelemürči* '1. лингвист, филолог; 2. переводчик' (Ков., III, 2473); ойрат. лит. *kelemürči* 'переводчик' (Поздн., 281); калм. *kelmṛtšį* 'Redner, gesprachig, schwatzsüchtig' (Ramst., 223); ордос. *k'élemertš'i* 'qui parle bien, qui parle beaucoup' (Most., II, 412); халх. *хэлмэрч* 'устный переводчик' (Лув., 586), бурят. *хэлмэршэ[н]* 'устный переводчик, толмач' (Чер., 586); монг. > тюрк. *kälmärči* 'переводчик' (Wou-t'i, I, 388).

Оно является производным от *kelemer*, *kelemür*, которое в свою очередь образовано от глагола *kele-* 'говорить' + суффикс nomen agendi seu acturi *-mar*, *-mer*, *(-mür)* [21].

Это старое культурное слово встречается в монгольском также в форме *kélmeči* («Tche-yuan yi-yi», éd. Ischida, p. 22, № 515), *kelemeči*, *kelmeči* (китайская транскрипция периода Юань и Мин; *Ligeti*, — AOH, IX, 236), в уйгурском — *kälämäči* 'переводчик' (*Ligeti*, — AOH, XIX, 172). Собственно говоря, это есть термин *tilmäči*, *tïlmač* [22].

2. 拂竹眞 *fou-tchou-tchen*, др.-кит. *p'ịuət-t'ịuk-t'šịĕn* читается *pürtükčin* 'прислужник на почтовой станции' (NTC, 58, 3b) [23]. Для второго иероглифа можно напомнить архаич. кит. **tịuk* и в особенности японское чтение *гоон — toku* (Karlgren, 895). Инициаль в др.-кит. *p'ịuət* в ту эпоху еще не перешла в *f-*. Финаль *-t* в данном слове служит для передачи иноязычного *r*.

Это слово в действительности связано со следующими словами: монг. лит. *örtegeči[n]* '1. содержатель почты; 2. ямщик' (Ков., I, 588); калм. *örtētšį* 'Poststationsleute, Postmann' (Ramst., 300); ордос. *ört'ö't'š'in* 'gens chargés du service d'un relais, d'une station de post' (Most., II, 540); халх. *өртөөчин* 'уртонщик, ямщик' (Лув., 331), и является производным от *örtege* 'почтовая станция' (*örtē*, *örtō* и т. д.) < монг. *örte-* 'доставлять почтовых коней'.

Заимствования из монгольского: таранч., чаг., тур. *örtäng* 'die Poststation, das Postpiquet' (Radl., I, 1235); тув. *örtēl* '1. уртель, ямская станция; 2. расстояние (перегон) между уртелями' (Пальмбах, 3236).

3. 咸眞 *hien-tchen*, др.-кит. *γâm-t'šịĕn*, читается *γịamčin* 'служащий почтовой станции' (NTC, 58, 36) [24]. Др.-кит. *γâm* перешло в *γịam* только к X в. (Maspero, 90—92), но чтение *гоон — gen* (Karlgren, 756) позволяет предположить, что *γịam* появилось значительно раньше этого времени.

Термин *γịamčin* несомненно близок к монгольской, тюркской и маньчжурской формам.

Интересно отметить, что в монгольском языке слова *ǰamčin*, *ǰamučin* 'люди почтовой станции' и *ǰam* 'почтовая станция' зарегистрированы только в период Юань; в монгольском литературном языке и в современных диалектах *ǰamči* значит 'проводник', а *ǰam* — 'дорога, путь'. В тюркских языках *yamči* 'курьер' и *yam* 'почтовая станция' появляются как раз в монгольскую эпоху (см. *Ligeti*, — AOH, XIX, 279).

Нельзя также отделять от тюркско-монгольских слов маньч. *giyamusi* 'почтмейстер', *giyamun* '1. Relaispoststation; 2. Relaispost, Kurierpost' (Hauer, 364—365). Маньч. *giam-un* является древним заимствованием из какого-то диалекта сяньби.

4. 可薄眞 *k'o-po-tchen*, др.-кит. *k'â-b'ak-t'šịĕn* читается *qabaqčin* 'привратник' (NTC, 58, 36) [25].

Этот табгачский термин обычно объясняют через тюркский: уйг. *qapaγči*, *χapaγči*, *χapïγči* 'gardien de la porte' (Pelliot, — «T'oung Pao», XV, 268) < *qapaγ*, *qapïγ* 'porte' < *qap-* 'fermer, enfermer'. Тюркская этимология кажется довольно заманчивой, но вряд ли допустимой для чисто монгольской среды.

По-моему, все же здесь следует исходить из глагола «закрывать»: монг. лит. *qaγa-* 'закрывать, запирать на ключ' (Ков., II, 734), в диалектах *χā-*, откуда происходит имя деятеля — монг. лит. *qaγaγči* 'he who closes, obstructs or bars' (Lessing, 905), халх. *хаагч* 'закрывающий' (Лув., 491). А монг. *qaγa-* ~ *qaβa-* > *qaba-* могло иметь в старомонгольском производное **qaγaγa[n]* 'дверь', чередующееся с **qabaγan* (ср. монг. *degel* ~ *debel*; для *qaγa* см. также *qabqa* 'дверь'); исходя из этого последнего, можно установить в старомонгольском — **qabaγčin* > **qabaqčin*. Ср. также *qa'atai tergen* 'повозка, имеющая дверцу' («Тайная история монголов», № 101).

Монг. *qaγa-lγa-n* 'дверь' > *qaγalγači* 'привратник' является вторичным образованием, зарегистрированным тем не менее в средневековом монгольском.

5. 比德眞 *pi-tö-tchen*, др.-кит. *b'ji-tək-t'šiĕn* читается *bitikčin* 'секретарь' (NTC, 58, 3b) [26].

Тюркская интерпретация к данному случаю не имеет отношения. Наиболее древними тюркскими формами являются *bitigäči* и *bitkäči*; что же касается *bitikči*, то это слово сравнительно недавнего происхождения [27].

В монгольском встречаются *bičēči* 'писец, секретарь' в китайской транскрипции периода Юань и Мин (*Pelliot*, — «Journal asiatique», 1930, 257; «Tche-yuan-yi-yi», éd. Ishida, p. 11, № 41; «Houa-yi yi-yu», éd. Lewicki, p. 19). В словах, записанных арабской графикой («Ибн Муханна», изд. Н. Поппе, стр. 118; «Мукаддимат ал-адаб», изд. Н. Поппе, стр. 433); *bičigeči* — в доклассическом монгольском («Subhāṣitaratnanidhi» 85d, éd. Ligeti, Mongol Nyelvemléktar, VI, p. 39); монг. лит. *бичигечи* 'писец, копиист, секретарь, регистратор' (Ков., II, 1150);

---

[20] «Нань Ци шу» («История южной династии Ци») составлена Сяо Цзы-се, племянником императора У-ди династии Лян, ок. 530 г.; см. *O. Franke*, Geschichte des chinesischen Reiches, Bd II, Berlin—Leipzig, 193 . . ., S. 3.

[21] Об этом суффиксе см.: *G. J. Ramstedt*, Über die Konjugation des Khalkhamongolischen, — «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», vol. XIX, 1908, S. 95—97; *N. Poppe*, Die Nominalstammbildungssuffixe in Mongolischen, — «Keleti Szemle», vol. XIX, S. 103.

[22] Ср. *P. Jyrkänkallio*, Zur Etymologie von russ. *tolmač* «Dolmetscher» und seine turkischen Quelle, — «Studia Orientalis», vol. XVII, № 8, S. 1—11; *J. Németh*, Die Geschichte des Wortes tolmaćs «Dolmetscher», — AOH, vol. VIII, S. 1—8.

[23] Ср. Shiratori, 33: *putchik* 'der Niedrige, Geringe' (бурят. *burtuk* 'Dienerschaft'); Pelliot, 255: **pürtükčin* или **fürtükčin* (неточная передача *bürtücin* 'valet du service des relais postaux'; без сопоставления); Boodberg, 175, n. 11 (без объяснения); Bazin, 303, № 128 ('petit fonctionnaire de la porte'; **bitigüčin* 'scribe'); *Kotwicz*, — «Rocznik orientalisticzny», III, 314—315, n. 64; XVI, p. 336—341: вэйск. *fou-tchou*, монг. *örtege*, маньч. *furdan*; Ramst., 300: *örtɛ*, которое соответствует слову тоба у Пеллио.

[24] Ср. Shiratori, 30: *han-chên* 'der Mann, welcher in allen Provinzen wohin er reist, Postpferde benutzt' (*han* или *yen* 'Poststation'); Boodberg, 170, № 5: **yamčin* 'rider of the post'; Bazin, 303: **yamčin* 'chef d'une station de poste'; *Kotwicz*, — «Rocznik orientalisticzny», XVI, 329—336: монг. *jam*, тур. *yam*, маньч. *giamun*; *P. Pelliot*, Sur *yam* ou *ǰam* «relais postal», — «T'oung Pao», t. XXVII, p. 192—195.

[25] Ср. Shiratori, 30, 33: 'Torwächter'; тур. *kapyg*, тат. *kapi*, *kapu*; Boodberg, 170: *qapaγčin* 'doorkeeper'; Bazin, 302 (как и у Будберга); Pelliot, 255: **qabaqčin*, **qaβaγčin* или в крайнем случае **qapaγčin* 'portier'.

[26] Ср. Shiratori, 30, 31: 'Kanzlist'; тур. *bitig* 'Schrift', *piti-* 'schreiben'; монг. *bitschik*; маньч. *bitche*; Boodberg, 170: **bitäkcin* или **pitäkčin* 'scribe', тюрко-монг.; Bazin, 300: **bitigčin* 'préposé aux écrits', дотюркское слово; Pelliot, 255: **bitäkčin* или *bitägčin*.

[27] О тюркских формах (< *biti-* 'писать') см.: *Ligeti*, — AOH, XVIII, 296.

калм. *bitšētšį* (Ramst., 46); ордос. *Bi'tš'ē'tš'i* (Most., I, 71); халх. *бичээч* (Лув., 71); бурят. *бэшээшэ* (Чер., 149). Монг. *bičigeči* < **bitigeči* восходит к глаголу *biči-* 'писать' < *biti-*.

Маньч. *bitxesi* 'Schreiber, Sekretar' (Hauer, 99) < *bitegeči*, *bitxe* < *bitege*, вероятно, восходит к одному из диалектов сяньби.

6. 契害眞 *k'i-hai-tchen*, др.-кит. *k'iei-γâi-t'šįĕn* читается *qitγaičin* 'убийца' (NTC, 58, 36) [28].

Относительно первого иероглифа следует отметить, что его архаическое произношение было **k'iad*.

Слово зафиксировано в «Тайной истории монголов» (№ 181, 'Mörder, Mordgesell' — Haenisch, 101). Это имя деятеля образовано при помощи суффикса *-ači*, *-geči* (*N. Poppe*, Die Nominalstammbildungssuffixe in Mongolischen, S. 94, 111) от глагола, неоднократно встречающегося в «Тайной истории монголов», — *kidu-* 'toten, niedermetzeln' (Haenisch, 101); монг. лит. *kidu-* или *kitu-* 'резать, убивать, умерщвлять' (Ков., III, 2527), *kidu-* 'to cut; to massacre, slaughter, kill; to annihilate, destroy' (Lessing, 464); калм. *kid-* (Ramst., 244); ордос. *χudu* (Most., I, p. 363); халх. *хяд-* 'убивать, истреблять; уничтожать, избивать' (Лув., 595); бурят. *хюда-* (Чер., 633). Об имени деятеля с суффиксом *-γči*, *-gči* (*G. Ramstedt*, Über die Konjugation..., S. 103—104) см. монг. лит. *kiduγči* 'murdre, assasin' (Lessing, 414); бурят. *хюдагша* (Чер., 633).

Ср. также монг. лит. *kiduγan* 'slaughter, carnage', халх. *chjadaan* (Lessing, 464); монг. лит. *kituγ-a*, *qutaγ-a*, *qutuγ-a* 'knife, knife-like cutting tool or weapon' (Lessing, 475); ойрат. *χudγa* (АОН, XVII, 344—345); в «Тайной истории монголов» *kituqai* 'Messer, Schwert' (Haenisch, 102); могол. *qətγai* 'couteau' (АОН, IV, 136).

7. 莫堤比 *mo-t'i-pi*, др.-кит. *muo-d'iei bji* читается *modi bi* 'военный начальник в провинции' [29].

Имя, означающее должность, состоит из двух элементов, из которых *modi* может быть связано со следующими формами: монг. лит. *moǰi* 'губерния, провинция' (Ков., III, 2043) *muǰi* 'province, region, area', *muǰi-yin noyan* 'governor of a province or district, local chief' (Lessing, 554); калм. *mudžį* 'Volk, Volksart, Provinz' (Ramst., 268); ордос. *mudži*, *mudži* 'province' (Most., II, 473); халх. *муж* 'область, провинция, губерния' (Лув., 248); бурят. *можо* (Чер., 316).

Термин *bi* несомненно совпадает со вторым элементом ряда имен, означающих должность (ср. Bazin, 306, № 136; 309, № 138), хотя и без удовлетворительной реконструкции.

8. 宥連 *yeou-lien*, др.-кит. *jiu̯-lien*, читается *üglen* 'облако' («Вэй шу». — «История Северной и Восточной династии Вэй», цз. 113, 44a) [30].

Начиная с периода Тан, др.-кит. *jiu̯* используется в китайской транскрипции для передачи иноязычного слога *iu* или *ėu* (*iü* и *ėü*). Между тем эта реконструкция представляется маловероятной, так как для того времени следует еще принять во внимание возможные следы архаического произношения (ср. архаич. **giŭg*; *B. Karlgren*, Grammata serica, Stockholm, 1940, p. 392, № 995r).

Монгольская этимология наименований племени остается все же приемлемой. В китайской транскрипции периода Юань и Мин зафиксированы *e'ülen* 'облако' («Тайная история монголов», § 238 — Haenisch, 47; «Houa-yi yi-yu», éd. Lewicki, p. 16; «Lou-long sai-lio», éd. Ishida, 125b), *eülen* («Tche-yuan yi-yu», éd. Ishida, № 9), *eüle* («Ta-tan-koun yi-yu», 1a; «Ui-yu», 66a; «Pei-lou yi-yu», 15a; «Lou-long sai-lio», éd. Ishida, 125b); в арабской записи — *eülen* («Anonyme de Leide», éd. Poppe, 1261); *eüllet*, мн. ч. («Ибн Муханна», изд. Н. Поппе, 450), *éülen* («Мукаддимат ал-адаб», изд. Н. Поппе, 168), *ülen* («Мукаддимат ал-адаб», изд. Н. Поппе, 383; «Vocabulaire d'Istanboul», éd. Ligeti, 73); монгор. *ulin* (De Smedt—Mostaert, 470), дунсян. *olien* (Тодаева, 131), дагур. *ǵülĕŋ* (Поппе, 8), *ǵülĕ~* (Ligeti); монг. лит. *egüle[n]* 'облако' (Ков., I, 242); калм. *ūlŋ* (Ramst., 461); ойрат. лит. *öülen* 'облако' (Позд., 55); ордос. *ūle*, *ůile* 'nuage' (Most., II, 755); халх. *үүл[эн]* 'облако, туча' (Лув., 488); бурят. *үүл[эн]* (Чер., 520).

Рассматриваемые табгачские глоссы раскрывают нам несколько любопытных фонетических явлений.

Инициаль *p-* отмечена в слове *pürtükčin* 'прислужник на почтовой станции'. Известно, что эта инициаль в средневековом монгольском, а также в архаических диалектах представлена как *h-*, в живых диалектах она является немой [31]. Инициаль *p-* удержалась в других диалектах сяньби, как в киданьском, так и в чжурчжэньском (и маньчжурском), в заимствованиях из киданьского или какого-либо другого диалекта сяньби [32]. Для большей точности следует отметить, что *p-* сохранилось в чжурчжэньском только при Цзинь (XII—XIII вв.), а позже, при Мин (XV—XVI вв.), в чжурчжэньском и маньчжурском оно перешло в *f-*. Например, ст.-монг. *pon* 'год; время'; кидан. *po* 'время', чжурчж. *po-on* > *pon* (при Цзинь), *fo-on* > *fon* 'время', средневековый монг. *hon* 'год', монг. лит. *on*.

Что же касается выпадения гласного во втором слоге, то, по мнению Л. Базэна (Указ. соч., стр. 302, 324), это — явление фонетической редукции которое считается «нормальным в дотюркском и тюркском». В монгольском оно прослеживается как в живых диалектах (халхаском, калмыцком и т. д.), так и в средневековом монгольском [33]. Выпадение гласного во втором слоге характерно также и для маньчжурской фонетики. Остается только выяснить, следует ли видеть в этом, хотя бы в плане происхождения, влияние фонетики сяньбийского языка. По крайней мере непреложным фактом остается редукция гласных, отмеченная в достаточном количестве в заимствованиях из монгольского: маньч. *dabsun* 'соль' ~ монг. *dabusun*; маньч. *χôlχa* 'вор, разбойник' ~ монг. *qulaγai*.

История «диссилабов» еще далеко не выяснена в языке сяньби; однако можно установить, что в некоторых диалектах *-γ-*, *-g-* в интервокальной позиции не подверглись изменениям (**taγušin*, **toγočin* 'земля, пыль' ~ монг. *toγosun*), тогда как в других диалектах, а также в киданьском, получились дифтонги (*ǰau* 'сто' ~ монг. *ǰaγun*, *čaur* 'битва, кампания' ~ монг. *čaγur* ~ маньч. *čooχa* < *čaur-χa*) [34]. В табгачских глоссах одна из гласных в диссилабе выпадает: либо первая (*qidγaičin* 'убийца' < **qiduγaičin*), либо вторая (*pürtükčin* 'прислужник на почтовой станции' < **pürtügečin*; *bitekčin* 'секретарь' < **bitegečin*; *qabaqčin* 'привратник' < **qabaγačin*; *üglen* 'облако' < **ügülen*). Подобное явление спорадически встречается в западных диалектах начиная со средневекового монгольского: в арабской записи — *nirγun* 'спина, почки', калм. *nurγun*, в «Тайной истории монголов» — *niru'un*, монг. лит. *niruγun*. Независимо от свидетельств западных диалектов, это

---

[28] Ср. Shiratori, p. 30, 34: 'Mörder'; монг. *khagal-* 'schneiden', *kitu-* 'ermorden'; Boodberg, 175, n. 11: 'executioner', тюрко-монг. *kes-* 'to cut', монг. *kituga* 'sword'; Bazin, 303—304: **kätkäyčin* 'préposé à la hache; bourreau', дотюркское слово.

[29] Ср. Bazin, 308—309: **bodi hši* 'chef militaire de province'.

[30] Ср. Bazin, 296: *yää län* 'nuage', домонгольское диалектное слово.

[31] См. *P. Pelliot*, Les mots à *h* initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles, — «Journal asiatique», 1925, № 1, p. 193—263; *N. Poppe*, Introduction to Mongolian Comparative Studies, — «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», vol. CX, 1955, p. 96—98.

[32] См. *L. Ligeti*, Notes sur le Vocabulaire mongol d'Istanboul, — АОН, vol. XVI, 1963, p. 142—145; *его же*, Les anciens mongols dans le mandchou, — АОН, vol. X, 1960, p. 237—239.

[33] См. *Б. Я. Владимирцов*, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929, стр. 334—335; *L. Ligeti*, Notes sur le Vocabulaire mongol d'Istanboul, — АОН, vol. XVII, 1964, p. 136—137.

[34] См. *L. Ligeti*, Les voyelles longues en turc, — «Journal asiatique», 1938, № 1, p. 198; *его же*, Les fragments du Subhāṣitaratnanidhi mongol en écriture 'phags-pa, — АОН, vol. XVII, p. 287—288.

явление еще более отчетливо обнаруживается в монгольских элементах маньчжурского (и чжурчжэньского) языка: *gurgu* 'хищный зверь, дичь' < **gürügü* ~ монг. *göröge*, калм. *görə*; маньч. *arγan* 'зуб' < **araγan* ~ монг. *araγa* 'коренной зуб', калм. *arān* [35].

Табгачское *γi̯amčin* 'люди на почтовой станции' — это имя деятеля, являющееся производным от *γi̯am* 'почтовая станция'; сяньбийское имя вполне регулярно дало в тюркском *yam*, а позже это последнее преобразовалось в монгольском в *ǰam*. Судя по данным маньчжурского языка, сяньбийское *γi̯am* должно было привести к старомонгольскому **γām*. То же самое можно обнаружить и в других сяньбийских элементах в маньчжурском: старомонг. **pula-γān* 'красный' > чжурчж. (периода Мин) *fulagian* и *fulgian*, маньч. *fulgiyan*, где *a* во втором слоге выпадало, а долгое *ā* дало *i̯a* (*iya*) ~ средневековое монг. *hula'an*, *hulān* («Yi-yu»: *fulān*; монгор. *fulān*); старомонг. *ča-γān* 'белый' > чжурчж. (периода Мин) *šangian* и *šangia*, маньч. *šanggiyan* < *šan-gian* < *ča-γān* [36].

Финаль *-n* в *-čin* (суффикс профессии) и в *-γčin*, *-gčin*, *-γačin*, *-gečin* (суффикс имени деятеля) заслуживает особого рассмотрения. В средневековом монгольском это был суффикс множественности, который в китайском и параллельных тибетских текстах переводился множественным числом: *elčin* 'посланцы', *yabuqun* 'те, которые идут', *qulaγan* 'воры' и т. д.[37]. В табгачских глоссах функция этого суффикса была несколько иной: он являлся своего рода показателем определенного падежа. Сравнительно часто он встречается и в киданьском (и в чжурчжэньском); там даже в заимствованиях из китайского употреблялся показатель детерминатива *-n*. В качестве иллюстрации приведем тангутские имена собственные из «Тайной истории монголов» (§ 150, 177, 249, 250): *Qašin* соответствует кит. 河西 *Ho-si*; форма *Qaši-n* < *Qasi* < *Xasi* восходит не позднее чем к XI в. То же самое и в маньчжурском (< чжурчжэньском < киданьском): *fafun* 'закон' < кит. *faw* (X—XI вв.), *lam-un* 'голубой, синий' < кит. *lam*.

Итак, некоторые рассмотренные глоссы позволяют весьма приближенно предполагать, что табгачский язык, диалект сяньбийского, был монгольским диалектом, родственным киданьскому, другому диалекту сяньбийского, и что тот и другой отражают старомонгольский.

(Перевод с французского Н. П. Шастиной)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Ков. — *О. Ковалевский*, Монгольско-французско-русский словарь, т. I—III, Казань, 1844—1849.
Лув. — «Монгольско-русский словарь». Под ред. А. Лувсандэндэва, М., 1957.
Пальмбах. — «Тувинско-русский словарь». Под ред. А. А. Пальмбаха, М., 1955.
Позд. — *А. М. Позднеев*, Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, СПб., 1900.
Поппе. — *Н. Н. Поппе*, Монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб», ч. I—II, М.—Л., 1938.
Радлов. — *В. В. Радлов*, Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV, СПб., 1888—1911.
Тодаева. — *Б. Х. Тодаева*, Дунсянский язык, М., 1961.
Чер. — *К. М. Черемисов*, Бурят-монгольско-русский словарь, М., 1951.
AOH — «Acta Orientalia Hungarica».
Hauer. — *E. Hauer*, Handwörterbuch der Mandschursprache, t. 1—3, Wiesbaden, 1952—1955.
Haenisch. — *E. Haenisch*, Die geheime Geschichte der Mongolen, Leipzig, 1948.
Karlgren. — *B. Karlgren*, Etudes sur la phonologie chinoise, Leyde et Stockolm, 1915.
Lessing. — *F. D. Lessing*, Mongolian-English Dictionary, University of California Press, 1960.

[35] См. *Ligeti*, — AOH, vol. XVII, p. 170—172; AOH, vol. X, p. 240.
[36] См. *Ligeti*, — AOH, vol. X, p. 238—239.
[37] См. *N. Poppe*, Introduction..., p. 175—177, 185—187.

Ligeti. — *L. Ligeti*, Un vocabulaire mongol d'Istanboul, — AOH, t. XIV, 1962.
Léwicki. — *M. Léwicki*, La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389, Wroclaw, 1959.
Maspero. — *H. Maspero*, Le dialecte de Tch'ang-ngan sous les T'ang, — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», t. XX, 1920.
Most. — *A. Mostaert*, Dictionnaire ordos, t. I—III, Peking, 1941—1944.
NTC — «Nan Ts'i-chou» — см. сноску 20.
Pelliot. — *P. Pelliot*, Les mots à *h* initiale aujourd'hui amuie dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles, — «Journal asiatiques», t. 206, 1925, № 1.
Ramst. — *G. J. Ramstedt*, Kalmückisches Wörterbuch, Helsinki, 1935.
De Smedt — Mostaert. — *A. de Smedt* et *A. Mostaert*, Le dialecte Monguor parlé par les mongols du Kansou occidental. III. Dictionnaire monguor-français, Peip'ing, 1933.